

ЛУННЫЕ ХРОНИКИ

Кто на свете всех прекрасней?

МАРИССА МЕЙЕР

Бестселлер *The New York Times*

Лунные хроники

Марисса Мейер

Кто на свете всех прекрасней?

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84 (7 Сое)-44

Мейер М.

Кто на свете всех прекрасней? / М. Мейер — «Издательство АСТ», 2015 — (Лунные хроники)

ISBN 978-5-17-135426-8

Задолго до того, как на ее пути встали Линь Зола, Скарлет, Кресс и принцесса Зима, у королевы Леваны была своя жизнь, своя история. История о любви и войне, обмане и смерти. История, о которой до сих пор никто ничего не знал. Зеркало, ответь скорей, кто на свете всех прекрасней?..

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84 (7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-135426-8

© Мейер М., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Марисса Мейер

Кто на свете всех прекрасней?

*Это книга посвящается читателям Лунатикам. Фанатам.
Спасибо, что проделали этот путь со мной*

*Зеркало, ответ скорей,
Кто на свете всех прекрасней?*

Marissa Meyer
FAIREST

First published by Feiwel and Friends, an imprint of Macmillan Children's Publishing.

Translation rights arranged by Jill Grinberg Literary Management, LLC and The Van Lear Agency LLC.

All rights reserved.

Copyright © 2015 by Rampion Books, Inc
© Ю. Гиматова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Она лежала на горящем костре. Раскаленные угли обжигали спину. Белые искры туманили взгляд, но милость забвения не приходила. Голос охрип от криков. Запах горящей плоти охватил ее ноздри. Дым застилал глаза. Пузыри лопались на коже, и целые куски плоти отслаивались, обнажая кости.

Боль была невыносимой, агония не прекращалась. Она молила о смерти, но смерть не наступала.

Она пыталась выбраться из костра, но угли рушились и осыпались под весом ее тела, погружая все в пепел и гарь.

Сквозь дым она заметила добрый взгляд.

Теплую улыбку. Палец, направленный на нее. *Иди сюда, сестренка...*

Левана задохнулась и подпрыгнула, запутавшись в тяжелых одеялах. Простыня была холодной и влажной от пота, но кожа по-прежнему горела от кошмара. Горло казалось ободраным изнутри. Левана попыталась сглотнуть, но вкус слюны, напоминавший дым, заставил ее вздрогнуть. Она села в постели под дрожащим утренним светом, пытаясь забыть пережитое во сне. Кошмар преследовал ее столько лет, что казалось, от него никогда не удастся сбежать.

Левана терла руки до тех пор, пока не убедилась, что огонь не был настоящим. Она не горела живо. Она находилась в своих покоях, в безопасности.

С дрожащим дыханием она передвинулась на другую сторону постели, подальше от простыней с пятнами пота. Боясь закрыть глаза, Левана уставилась на балдахин и медленно дышала, пока сердце наконец не унялось в груди.

Она попыталась отвлечь себя, представив, кем будет сегодня.

Перед ее глазами пронеслись тысячи возможностей. Конечно, Левана будет красивой, но ведь красота бывает разной. Тон кожи, волосы, форма глаз, длина шеи, правильно расположенные веснушки, изящность походки. Левана разбиралась в красоте не меньше, чем в уродстве.

Затем она вспомнила, что сегодня похороны. Она недовольно простонала. Удерживать чары целый день перед толпой народа очень утомительно. Ей не хотелось идти, но выбора не было.

Не самый лучший день, чтобы сосредоточиться. Ее потревожили кошмары. Пожалуй, лучше выбрать что-то знакомое.

Воспоминания о сне постепенно уходили на задний план, и Левана решила, что в этот день примет облик своей матери, королевы Джаннали – но не в день ее смерти, а возможно, когда той было пятнадцать лет. Это будет данью уважения – прийти на похороны со скулами и ярко-фиолетовыми глазами матери. Конечно, все будут знать, что это лунные чары, но вслух никто сказать не осмелится.

Левана несколько минут представляла, как мать могла выглядеть в юности, и позволила чарам окутать ее. Волосы лунного цвета, стянутые в гладкий низкий узел. Бледная, словно лед, кожа. Рост – чуть ниже, чем сейчас. Светло-розовые губы, чтобы не отвлекать внимание от ярких глаз.

Погружение в чары успокоило. Но, даже не успев оценить образ, Левана почувствовала, что это неправильно. Ей не хотелось идти на похороны родителей в облике «теперь-уже-мертвой-девочки».

Стук в дверь отвлек от мыслей.

Левана вздохнула и быстро приняла другой образ, придуманный несколько дней назад. Оливковая кожа, изящный носик и иссиня-черные очаровательно короткие волосы. Она примерила несколько оттенков глаз, остановилась на потрясающем серо-голубом с приковывающими взгляд черными ресницами.

Перед тем как оценить свой второй образ, Левана добавила серебристый драгоценный камень в уголок правого глаза.

Слезинка. Чтобы показать, что она скорбит.

– Войдите, – велела Левана, открывая глаза.

Служанка вошла в спальню, держа поднос с завтраком. Сделала реверанс, не поднимая взгляда, – старания Леваны оказались напрасными – и подошла к постели.

– Доброе утро, Ваше Высочество.

Приподнявшись, Левана позволила девушке поставить поднос ей на колени и подоткнуть салфетку. Служанка налила жасминовый чай в фарфоровую чашку, расписанную вручную и привезенную с Земли несколько поколений назад. Добавила два листочка мяты и каплю меда. Затем взяла поднос с крошечными пирожными, наполненными кремом, чтобы Левана могла увидеть их целиком, прежде чем разрезать серебряным ножом на маленькие кусочки. Левана окинула взглядом блюдо с разноцветными фруктами: ломтики мягкого персика в окружении черных и красных ягод, посыпанных сахарной пудрой.

– Желаете чего-то еще, Ваше Высочество?

– Нет, это все. Пришли через двадцать минут другую служанку. Пусть подготовит мое траурное платье.

– Конечно, Ваше Высочество, – ответила девушка, хотя обе знали, что другой служанки нет. Каждая служанка во дворце была *другой*. Для Леваны не имело значения, кого пришлют, лишь бы этот человек мог одеть ее в прекрасное серое платье, доставленное швеей накануне. Леване не хотелось утруждать себя еще и выбором платья. Не сейчас, когда в голове столько мыслей.

Еще раз поклонившись, служанка выбежала из комнаты, оставив Левану перед подносом с завтраком. Левана только теперь поняла, что не голодна. Живот пронзила боль – возможно, после того ужасного сна. Или от печали, но в этом она сомневалась.

Левана не слишком расстроилась из-за смерти родителей, которая случилась половину долгого дня назад. Восемь искусственных ночей. Их гибель была невероятно кровавой. Их

убил пустышка, воспользовавшийся своей неуязвимостью перед лунными чарами, чтобы пробраться во дворец. Мужчина застрелил двух королевских стражников, пробрался в спальню родителей на третьем этаже, убил еще троих стражников и перерезал горло матери так глубоко, что повредил кости. Затем направился в другую комнату – туда, где лежал отец с очередной любовницей, и шестнадцать раз ударил его ножом в грудь.

Любовница, вся в брызгах крови, еще кричала, когда стражники ворвались в комнату. Убийца продолжал наносить удары.

Левана не видела тел, но, войдя на следующее утро в спальню, первым делом подумала, что цвет крови идеально подошел бы ее губам.

Она знала, что эта мысль не самая уместная. Но еще она знала, что королева Джаннали подумала бы о том же самом, окажись она на месте Леваны.

Левана успела съесть несколько кусочков пирожного и пять ягод, когда дверь в спальню снова распахнулась. Она тут же разозлилась – служанка пришла слишком рано. На волне раздражения Левана быстро проверила, действуют ли чары, хотя в глубине души понимала, что не это должно заботить ее в первую очередь.

Но вместо безликой служанки в комнату ворвалась ее сестра.

– Чэннери! – рявкнула Левана, отодвинув поднос. Чай расплескался на блюде. – Я не разрешала тебе входить.

– Тогда стоило закрыть дверь, – возразила Чэннери, скользя по ковру, словно угорь. – Здесь много убийц, знаешь ли.

Она сказала это с улыбкой, без какой-либо тревоги. Да и с чего ей было тревожиться? Стражники казнили убийцу, как только обнаружили его – с окровавленным ножом в руке. Но Левана не была уверена, что во дворце нет других пустышек, достаточно злых и безумных, чтобы устроить новое покушение. Чэннери глупа, если не думает об этом.

И это настоящая проблема – Чэннери действительно глупа. И не только глупа, но и красива, а хуже этого сочетания и быть не может. Сестра Леваны отличалась прекрасной загорелой кожей, каштановыми волосами и темными карими глазами, которые, казалось, всегда улыбались. Левана верила, что красоту сестры поддерживают чары, ведь настолько ужасный внутри человек не может быть таким красивым снаружи, но Чэннери ни за что бы в этом не призналась. Еще ни разу иллюзия ее красоты не дала трещину. Глупая девчонка даже не боялась зеркал.

Чэннери уже оделась к похоронам, хотя скучный серый цвет ее платья был единственным признаком того, что оно траурное. Сетчатая юбка торчала почти перпендикулярно бедрам, словно костюм танцовщицы, а облегающий верх был усыпан тысячами серебристых камней. Широкие серые полосы на рукавах смыкались на груди, образуя сердечко. Внутри сердца была небрежно выведена надпись: *«По вам будут скучать»*.

Когда Левана увидела это, ее едва не стошнило.

– Что тебе нужно? – спросила она, пошевелив ногами под одеялом.

– Хочу убедиться, что твой наряд не заставит меня краснеть.

Чэннери подалась вперед и дернула за камень в уголке глаза Леваны, проверяя, крепко ли он держится. Левана вздрогнула и ударила сестру по руке.

Чэннери усмехнулась.

– Хороший штрих.

– Не такой лживый, как утверждение, что ты будешь скучать по ним, – парировала Левана, переведя взгляд на лиф ее платья.

– Лживый? Наоборот. Я буду очень скучать по родителям. Особенно по балам, которые отец закатывал во время полной Земли. И по возможности одалживать платья у матери, когда я отправлялась по магазинам в AP-4. – Поколебавшись, Чэннери добавила: – Наверное, теперь я могу просто забрать себе ее швею. Так что никаких потерь. – Хихикнув, она села на постель и схватила ягоду с подноса. – Сегодня тебе придется сказать несколько слов на похоронах.

– Мне?

Левана ужаснулась. Все будут смотреть на нее, оценивать, насколько печально она выглядит. Вряд ли ей удастся хорошо притворяться.

– Ты тоже их дочь. И... – Чэннери внезапно закашлялась и прижала пальцы к уголку своего глаза. – Я не такая сильная, чтобы справиться одной. Я убита горем. Возможно, упаду в обморок и потребую, чтобы стражник отвел меня в темное и тихое место.

Чэннери фыркнула, и признаки печали исчезли так же быстро, как и появились.

– Заманчивая идея, – продолжила она. – Возможно, я сделаю это рядом с тем новым молодым стражником с кудрявыми волосами. Он выглядит достаточно... сговорчивым.

Левана нахмурилась.

– Ты собираешься оставить меня одну со скорбящим королевством, а сама уйдешь резвиться со стражником?

– Ох, перестань! – воскликнула Чэннери, закрывая руками уши. – Ты такая скучная, когда ноешь.

– Ты скоро станешь королевой, Чэннери. Тебе предстоит выступать с речами и принимать важнейшие решения, которые повлияют на всех жителей Луны. Тебе не кажется, что пора отнестись к этому серьезно?

Чэннери рассмеялась и облизала пальцы, на которых остались крупинки сахара.

– Так же серьезно, как это делали наши родители?

– Наши родители мертвы. Убиты человеком, которому не нравилось их правление.

Чэннери махнула рукой.

– Быть королевой – это право, сестренка. Право, которое приходит вместе с бесконечным числом мужчин, слуг и прекрасных платьев. Пусть двор и маги занимаются скучными вещами. Что касается меня, я собираюсь войти в историю как королева, которая никогда не прекращала смеяться.

Откинув волосы с плеча, Чэннери окинула взглядом спальню, золотистые обои и шторы с ручной вышивкой.

– Почему здесь нет зеркал? – спросила она. – Хочу проверить, как прекрасно я выгляжу перед своим слезливым выступлением.

Соскользнув с кровати, Левана надела халат, лежавший на столике у кровати.

– Ты отлично знаешь почему.

Чэннери улыбнулась еще шире и спрыгнула с постели.

– Ах да, верно. Ты так отточила свои чары, что я почти забыла о них.

Со скоростью змеи Чэннери ударила Левану по лицу так сильно, что та стукнулась о столбик балдахина. Левана вскрикнула и от неожиданности потеряла контроль над чарами.

– Ах, вот мой гадкий утенок, – проворковала Чэннери. Приблизившись, она крепко схватила младшую сестру за подбородок, прежде чем Левана успела дотронуться до своей покрасневшей щеки. – Вспомни об этом, когда снова решишь спорить со мной. Как ты и сказала, я собираюсь стать королевой. И не потерплю возражений, особенно от жалкой младшей сестры. Ты выступишь вместо меня на похоронах.

Отвернувшись, Левана сморгнула слезы и попыталась восстановить чары. Скрыть уродство. Снова притвориться красивой.

Она заметила движение в комнате. На пороге спальни застыла служанка. Чэннери не закрыла дверь, и Левана была уверена, что девушка все видела.

Служанка опустила взгляд и присела в реверансе.

Наконец Чэннери встала.

– Надевай свое траурное платье, сестренка, – сказала она, снова улыбнувшись прекрасной улыбкой. – Нас ждет великий день.

Большой зал стал серым. Серые волосы, серый макияж, серые перчатки, серые платья, серые чулки. Угольные камзолы и вересковые рукава, туфли цвета подснежников и цилиндры цвета бури. Несмотря на унылые оттенки, гости на похоронах не выглядели скорбящими. Серые наряды состояли из текучих лент, изящных украшений и застывших цветов, растущих, словно маленькие сады, на густых пышных прическах.

Левана догадывалась, что швеи в Артемизии были очень, *очень* заняты после убийства.

Ее платье выглядело уместно – длинное, до самого пола, из серого дамастного бархата. Кружева, обрамлявшие вырез, хорошо сочетались с короткими черными волосами, созданными с помощью чар. Наряд Леваны не был таким эффектным, как платье сестры, зато она сохранил немного достоинства.

На помосте в передней части зала транслировалась голограмма – покойные король и королева в ранней молодости. Мать была в свадебном платье и выглядела едва ли старше, чем Левана сейчас. Ее отец, широкоплечий и с квадратным подбородком, восседал на троне. Конечно, это были смоделированные портреты – съемка королевской семьи была строго запрещена, – но художнику удалось почти идеально запечатлеть их чары. Стальной взгляд отца, изящную руку матери, поднятую в приветствии.

Левана стояла рядом с Чэннери на помосте, принимая соболезнования артемизийских семей, сменяющих друг друга. В животе все туже стягивался узел, завязавшийся, когда она поняла, что Чэннери собирается уклониться от своих обязанностей старшей сестры и заставить ее выступить с речью. Хотя Левана упражнялась в чарах годами, каждый раз она испытывала необъяснимый страх перед толпой. Боялась, что потеряет контроль и все увидят ее истинное лицо.

Сплетен и без того хватало. Жители Артемизии шептались, что юная принцесса вовсе не была прекрасной, что она нелепо пострадала из-за трагического случая в детстве. Как хорошо, что есть чары и никому не придется видеть ее в истинном обличье. Всем повезло, что она искусно владеет чарами, ведь они не потерпели бы такого уродства в своем прекрасном мире.

Левана склонила голову, поблагодарив гостей за ложь о том, какими благородными были ее родители, и тут ее внимание привлек мужчина, ожидавший своей очереди выразить соболезнования.

Сердце перевернулось у нее в груди. Движения стали машинальными – кивнуть, протянуть руку для поцелуя, пробормотать «благодарю». Мир вокруг затянуло серой пеленой.

Сэр Эврет Хейл стал королевским стражником и оказался в свите ее отца, когда Леване было всего восемь. Она влюбилась в него еще тогда, хотя знала, что он старше почти на десять лет. У него была кожа цвета эбенового дерева и взгляд, на службе полный ума и хитрости – и радости, когда он отдыхал. Однажды Левана заметила в его глазах серые и изумрудные искры и была очарована. Она надеялась, что однажды сможет подойти так близко, чтобы снова их увидеть. Его волосы представляли собой копну спутанных кудрей, достаточно длинных, чтобы казаться непокорными, достаточно коротких, чтобы выглядеть утонченно. Левана не думала, что однажды увидит его не в гвардейской форме, которая идеально подчеркивала мускулы рук и плеч, но сегодня Эврет надел простые серые брюки и длинную рубашку, слишком легкомысленную для королевских похорон.

В этой одежде он выглядел как принц.

Целых семь лет Левана считала Эврета самым привлекательным мужчиной при королевском дворе. Во всей Артемизии. На всей Луне. Она знала это, даже когда была слишком юной, чтобы понять, почему ее сердце начинает биться чаще, когда он рядом.

Теперь он подходил все ближе. Их разделяло всего четыре человека. Три. Два.

Вытянутая для поцелуев рука дрогнула. Левана слегка выпрямилась и поправила чары, чтобы глаза казались ярче, а камень на коже блестел как настоящая слеза. Она сделала себя

чуть выше – под рост Эврета, но так, чтобы при этом выглядеть хрупкой и нуждающейся в защите.

Впервые за много месяцев у нее есть повод оказаться так близко – и вот он, направляется к ней, с глазами, полными сочувствия. В них действительно вспыхивали серые и изумрудные искры – это не игра ее воображения. Впервые Эврет был не стражником, а просто скорбящим жителем Луны. Он взял руку Леваны и поднес к губам, но поцеловал лишь воздух над ее кожей. Кровь бешено стучала в ушах Леваны.

– Ваше Высочество, – произнес Эврет. Слышать его голос было почти таким же редким подарком, как и видеть искры в его глазах. – Глубоко сожалею о вашей утрате. Мы все скорбим, но я знаю, что вам особенно тяжело.

Левана попыталась сохранить эти слова в глубине памяти, чтобы вернуться к ним позже, когда он не будет держать ее за руку и смотреть прямо в душу. *Я знаю, что вам особенно тяжело.*

Эврет говорил искренне, но Левана сомневалась, что он любил короля и королеву. Возможно, он сожалел о том, что не был на службе, когда их убили, и не смог помешать убийце. Левана чувствовала, что он очень гордится тем, что состоит в королевской гвардии.

И все же она была рада, что Эврета там не оказалось. Что убили других стражников.

– Благодарю, – выдохнула она. – Ваша доброта делает этот день более сносным, сэр Хейл.

В тот день Левана произнесла эти слова, обращаясь к множеству других гостей. Жалея, что не догадалась сказать что-то более важное, она добавила:

– Полагаю, вы знаете, что были любимцем моего отца.

Левана не знала, правда ли это, но смягчившийся взгляд Эврета сделали эти слова правдивыми, как ей того и хотелось.

– Я продолжу преданно служить вашей семье.

Эврет отпустил ее руку. Левана чувствовала, как покалывает кожу в том месте, где он прикасался к ней.

Но вместо того, чтобы выразить теперь свои соболезнования Чэннери, Эврет повернулся и жестом подозвал девушку, стоявшую чуть в стороне.

– Полагаю, вы не знакомы с моей супругой. Ваше Королевское Высочество, принцесса Левана Блэкберн, – это Солстис Хейл. Сол, это Ее самое очаровательное Высочество, принцесса Левана.

Левана почувствовала, как внутри у нее все сжалось, внутренности будто пронзило ножом, но она заставила себя улыбнуться и протянуть руку. Солстис сделала реверанс, поцеловала ее пальцы и что-то сказала, но Левана не слушала. Она знала, что Эврет женился несколько лет назад, но не придавала этому значения. В конце концов, ее родители были женаты, но не испытывали друг к другу особой любви. Да и что такое жена в мире, где любовниц столько же, сколько служанок, а моногамия – такое же редкое явление, как затмение Земли?

Но теперь, увидев жену Эврета, Левана заметила три вещи, которые заставили ее переосмыслить все, что она о ней думала.

Во-первых, Солстис была невероятно красива, но ее красота отличалась от той, которую создают чары. У нее было живое лицо, изящно изогнутые брови, медовая кожа. Она распустила волосы по случаю похорон, и густые темные локоны доходили почти до пояса.

Во-вторых, Эврет смотрел на нее с мягкостью, которую Левана никогда не видела в глазах мужчины, и этот взгляд разжег в ней мучительную тоску.

В-третьих, супруга Эврета была беременна.

Об этом Левана не знала.

– Рада знакомству, – машинально произнесла Левана, но ответ не услышала.

– Сол работает швеей в районе AP-4, – с гордостью сказал Эврет. – Она сшила несколько платьев для ваших гостей.

– Ах да, я... Припоминаю, моя сестра говорила о новой и довольно популярной швее в городе...

Левана увидела, как лицо Солстис просияло, и это лишь усилило ее ненависть.

Она не запомнила ничего из этого короткого разговора, но увидела, как Эврет положил руку на спину жены. Жест выглядел оберегающим, и лишь тогда Левана заметила хрупкость Солстис, в первые секунды скрытую ее красотой. Она была слабой, ее утомили похороны и беременность. Эврет с обеспокоенным видом что-то прошептал жене, Левана не разобрала слов. Затем пара подошла к Чэннери.

Левана повернулась к гостям, ожидающим ее внимания. Очередной скорбящий, очередные теплые слова, очередная ложь. Ложь, кругом одна ложь. Левана двигалась машинально – кивнуть, протянуть руку, пробормотать слова благодарности. Очередь постепенно уменьшалась. Ее сестре все больше надоедало притворяться печальной, хихиканье и кокетливые слова заглушали негромкое бормотание толпы под голограммой родителей, дающих брачный обет.

Моногамия. Верность. *Настоящая любовь*. Левана сомневалась, что хоть раз видела ее – разве что в сказках, которые слышала в детстве, или в вычурных спектаклях, которые иногда устраивали, чтобы развлечь двор. Но быть желанной – настоящая мечта. Иметь человека, который смотрит на тебя с таким обожанием. Чувствовать, как его рука поддерживает тебя, без слов заявляя, что ты принадлежишь ему, а он тебе...

Когда женщина с серыми оленьими рогами на голове увидела в глазах Леваны слезы, она понимающе кивнула и протянула ей накрахмаленный серый платок.

* * *

Левана убедила себя, что выйти из дворца спустя три дня после похорон ее вынудила скука. В третий и последний день траура она по-прежнему была одета в серое. Левана убеждала себя, что ей хочется чего-то яркого и красивого, после того как траур закончится и все королевство будет приветствовать вступление новой королевы на трон. Она убеждала себя, что для коронации ей нужна новая пара расшитых туфель или, возможно, изящно скрученный шарф на запястье. В ее гардеробе не было ничего подходящего для такого исторического события.

Напрасно она придумывала убедительную историю для охранников у платформ с магнитопланами. Никто не остановил ее и не спросил, куда она собирается.

АР-4, самый популярный торговый район в Артемии, был заполнен членами королевских семей, знатью и слугами, одетыми во все оттенки серого и готовящимися к предстоящим торжествам. Однако никто не узнал Левану в облике темнокожей богини, высокой и грациозной, с изящной длинной шеей и острыми скулами. Она отказалась от сложной прически, не желая отвлекать внимание от идеальной формы головы и фигуры, созданной чарами. Лишь молчаливые стражники из дворцовой гвардии, следовавшие на уважительном расстоянии, могли выдать ее, но улица была заполнена людьми, и никто не замечал ни их, ни девушку, за которой они шли.

Левана не обращала внимания на сапожников и швей, шляпниц и ювелиров, художественные галереи и магазины со сладостями. Она прекрасно знала, куда идет. Она считала улицы, которые утром предусмотрительно изучила на голографической карте. Ее взгляд привлекала растущая Земля, которая повисла на черном небе за защитной сферой купола, но скрылась из виду, когда Левана завернула в симпатичный переулок. Аромат свежесваренного кофе из маленькой кофейни преследовал ее, пока она шла мимо оконных ящиков с цветами и каменных резных скамеек. В переулке тоже были люди, но, по сравнению с гудящей главной улицей, тут было спокойно.

Карта не обманула, магазин оказался здесь. Над входом висела простая вывеска с изображением иглы с продетой нитью, в витрине лежали разноцветные ткани и пряжа.

Завидев магазин, Левана поняла, что ее желудок скрутило, как только она свернула на эту улицу. Она нервничала. Но кто заставил ее нервничать? Жена королевского стражника? Простая белошвейка? Какая нелепость.

Левана жестом приказала стражникам остаться снаружи, собралась с духом и открыла дверь. Она оказалась в зале, залитом светом. Хозяйки не оказалось на месте, но вторая дверь была открыта и вела в другое помещение, откуда доносилось жужжание механических станков.

Два голографических манекена в углах зала демонстрировали наряды – нижнее белье, бальные платья, костюмы-тройки, вязанные чулки. Каждая вещь была невероятно красивой. Теперь понятно, почему маленький магазинчик в незаметном переулке становился все популярнее.

Левана обошла небольшой зал. Здесь было много интересного... Полки с расшитыми полотенцами, постельным бельем и шторами. Шелковые шарфы, тонкие, словно паутина. Один манекен был одет в корсет, будто полностью сшитый из тонких серебряных нитей и сверкающих драгоценных камней – не столько предмет одежды, сколько украшение.

Затем Левана заметила на стене лоскутный гобелен. Он был таким большим, что мог накрыть почти весь магазин. Левана сделала шаг назад, чтобы лучше рассмотреть его, и замерла в восхищении.

На гобелене была изображена Земля. И космос. Полотно состояло из обрывков ткани разных форм и размеров, с необработанными краями. Ярко-зеленые леса и суровые коричневые пустыни, блестящий голубой океан и бархатистое иссиня-черное небо, сшитые золотыми нитями. Гобелен покрывала вышивка – причудливые узоры плюща и цветов, изящные спирали и сверкающие звезды. Он мог бы показаться хаотичным и вычурным, но золотая нить, соединявшая все его части, придавала ему сдержанность, делала красивым и безмятежным. Левана почти ничего не знала о вышивке, но поняла, что каждый стежок был сделан вручную.

– Здравствуйте.

Левана вздрогнула от неожиданности и проверила свои чары, прежде чем обернуться.

На пороге зала стояла Солстис Хейл. Она улыбалась, держа в руках пяльцы с обрывком белой хлопковой ткани на них. Игла с темно-коричневой нитью была аккуратно воткнута в уголок.

– Я могу вам помочь?

Она казалась воплощением доброты, и это тут же вызвало у Леваны желание защищаться.

– Да. Я...

Левана замолчала, не зная, что сказать. Что заставило ее прийти в этот магазин, увидеть эту прекрасную женщину, ее огромный живот и великолепные творения, которые она создавала искусными пальцами? Левана сглотнула, чувствуя, как подступает горечь. Вспомнила, что она тоже красива, пока действуют чары. Вспомнила, что она принцесса.

– Мне нужно что-нибудь к завтрашнему дню, – наконец произнесла она. – На коронацию. Солстис кивнула.

– Конечно. Боюсь, мне придется поторопиться, чтобы создать что-то новое, а я стараюсь избегать этого. Но, вероятно, мы сможем подобрать что-нибудь в этом зале и изменить согласно вашим пожеланиям. – Солстис отложила пяльцы и стала расхаживать по залу, прижав руку к животу. – Вы ищете платье? Какой-нибудь аксессуар?

Помолчав, Левана спросила:

– У вас есть перчатки?

У нее уже было много пар, но перчатки не нужно было перешивать по размеру. Ей нравилось их носить – меньше приходилось скрывать с помощью чар.

– О да, у нас огромный выбор.

Держась за край деревянного комода, Солстис наклонилась и выдвинула один из нижних ящиков. В нем лежали женские перчатки, аккуратно сложенные и обернутые в шелковую бумагу.

– Вы собираетесь воспользоваться чарами? – спросила она.

Левана напряглась.

– Что вы имеете в виду?

Солстис с удивлением посмотрела на нее. Левана сделала резкий вдох и вдруг поняла, что у нее вспотели руки. Неожиданно она разозлилась. Разозлилась, потому что эта женщина была так хороша, и без всяких усилий. Потому что ночью она заснет рядом с мужем, который безумно любит ее. Потому что скоро она будет держать на руках сморщенного вопящего младенца, и этот ребенок никогда не задумается о том, любят ли его. Любят ли его родители друг друга...

Леване ничто не доставалось без труда.

Должно быть, Солстис заметила темную искру, вспыхнувшую в глазах Леваны. Она выпрямилась с встревоженным видом. Теперь она дышала тяжелее, словно незначительное усилие, потребовавшееся, чтобы открыть ящик, утомило ее, над верхней губой выступила капля пота. Она действительно была хрупким созданием.

Но мягкая улыбка по-прежнему не сходила с ее губ.

– Я лишь хотела сказать, что, если вы собираетесь использовать чары, мы могли бы подобрать цвет перчаток под выбранный вами тон кожи. Или... Возможно, вы уже решили, какое платье наденете.

Пытаясь унять бушевавшую в груди зависть, Левана посмотрела на свои руки. Длинные тонкие пальцы и безупречную кожу, которая не принадлежала ей.

Облизнув губы, она снова встретилась взглядом с Солстис.

– Что бы вы выбрали для себя?

Солстис повернула голову, напомним Леване маленькую птицу из королевского зверинца, слышавшую незнакомый звук, грозивший опасностью, и снова склонилась над ящиком с перчатками.

– Что ж... – неуверенно начала швея. – Мне всегда нравились оттенки драгоценных камней. – Она развернула несколько слоев бумаги и достала пару шелковых перчаток глубокого сапфирового цвета. Перчатки не были покрыты вышивкой, но их украшали тонкие золотые цепочки с крошечной застежкой. Перчатки доходили почти до плеч. Солстис поднесла перчатки к запястью Леваны, показав контраст с ее темной кожей.

– Что скажете?

Сжав губы, Левана дотронулась до одной из застежек.

– Зачем они нужны? – поинтересовалась она.

– Это новая модель, над которой я работаю в последнее время. Это набор. Они идут вместе с колье...

Солстис подвела Левану к прилавку с украшениями, на котором лежали цепочки, бусины и застежки, и указала на золотое кольцо. Сначала Леване показалось, будто оно сделано из металла, но, взяв его в руки, она поняла: это плотные золотые нити, изящно сплетенные и эластичные. Две застежки крепились к противоположным краям украшения.

– Маленькие филигранные цепочки соединяют кольцо с перчатками. Видите?

Да, Левана видела. Эти два предмета, всегда популярные при королевском дворе, были прекрасными и необычными, а не безвкусными, как многие из модных вещей.

Она провела пальцами по сплетенным нитям, представила кольцо на своей шее. Как величественно она будет выглядеть. Как украшение подчеркнет ее шею и ключицы, а шелк насыщенного синего цвета оттенит медовую кожу и густые каштановые волосы.

Лишь тогда Левана поняла, что в своих фантазиях она выглядит как Солстис Хейл.

Она отложила кольцо, и Солстис жестом пригласила ее к комоду.

– Хотите посмотреть другие перчатки?

– Нет, – ответила Левана. – Я возьму эти. И кольцо тоже.

– О, чудесно! Вы... Хотите забрать покупки сейчас или мне сделать их именными?

– Именными?

Солстис кивнула.

– Это особая услуга. Мне нравится думать, что благодаря ей мой магазин выделяется среди других швейных мастерских Артемизии. Если вы хотите, чтобы я вышила что-то особое на перчатках, я могу сделать это к утру завтрашнего дня. Некоторые клиентки просят вышить свой любимый цветок или инициалы...

Левана перевела взгляд на гобелен с изображением Земли, висевший на стене.

– Это ваша работа?

– Да, моя, – рассмеялась Солстис. Ее смех был неожиданно легким, почти детским. – Хотя это заняло у меня больше, чем один вечер. Вам нравится?

Левана нахмурилась. Ей очень нравился гобелен, но признаваться в этом она не хотела.

– Можете расшить перчатки для меня, – сказала она. – Хочу что-нибудь затейливое, как на этом гобелене. Возможно, что-нибудь с буквой «Л», но не слишком очевидное.

– Буквой «Л»? Как Луна? – Солстис снова приветливо улыбнулась. – С удовольствием. Доставить перчатки к утру?

– Да. – Левана замолчала, распрямляя плечи. – Доставьте во дворец, принцессе Леване. Я сообщу стражникам, что жду посылку. Они проследят, чтобы вы получили деньги.

Улыбка Солстис исчезла, в глазах девушки появились удивление и паника. Левана хорошо знала этот взгляд – когда люди осознавали, что находятся в присутствии королевской особы, и пытались вспомнить, не сделали ли они чего-нибудь, что заслуживает наказания. Взяв себя в руки, Солстис присела в неуклюжем реверансе, схватившись за прилавок.

– Простите, что не узнала вас, Ваше Высочество. Для меня огромная честь работать для вас.

Согреваемая осознанием своей власти над ничтожной девчонкой и ее ничтожным магазином, а также мыслью, что служить ей, принцессе, действительно *большая честь*, Левана почувствовала соблазн продемонстрировать свое могущество. Она представила, как потребует, чтобы Солстис перед ней опустилась на колени, зная, что в ее положении это не просто. Как поставит под угрозу ее репутацию, с недовольством отослав новые перчатки обратно. Как прикажет Солстис отдать ей чудесный гобелен с Землей в качестве королевского налога или в знак благодарности, зная, как тяжело ей расставаться с тем, что так для нее важно.

Но Левана похоронила свои фантазии, прежде чем язык успел предать ее.

Солстис обязательно обо всем расскажет мужу, и Эврет Хейл больше никогда не назовет Левану *Ее самым очаровательным Высочеством*.

Левана с трудом сглотнула и улыбнулась впервые с того момента, как вошла в магазин. Возможно, она пришла именно за этим. Чтобы Солстис рассказала о неожиданном визите принцессы и о том, что Левана наденет одно из ее творений на коронацию. Сердце Леваны оттаяло, когда она подумала, что Эврет узнает о ее щедрости. Ей хотелось, чтобы он подумал о ней, хотя бы на мгновение. Ей хотелось, чтобы он восхищался ею.

Поэтому Левана солгала.

– Носить такое произведение искусства – честь *для меня*, – сказала она. – Теперь я понимаю, почему сэр Хейл так вас хвалил.

Солстис расцвела всей радостью женщины, которую любят, и Левана поспешила уйти, пока желчь не обожгла ей горло.

* * *

На следующее утро, в день коронации Чэннери, казалось, будто вся Луна получила разрешение сделать вид, что никакого убийства не было. Что воспоминания о короле Марроке и королеве Джаннали сохранятся лишь в учебниках истории, а юная Чэннери станет самой честной и справедливой правительницей. Левана не знала, сколько людей верит в это – и сколько из тех, кто верит, по-настоящему знает ее сестру, – но она не могла оспорить право Чэннери на трон. Они с сестрой были единственными известными наследницами рода Блэкбернов, наследницами далекого предка, который первым родился с лунным даром. Чэннери, старшая дочь короля, станет королевой. Затем править будут ее сын или дочь, и так поколение за поколением. Именно так передавалась корона – с того самого дня, когда Луна стала монархией. Со дня, когда Сайпрус Блэкберн основал династию.

Левана не собиралась подрывать эти ценности, как бы ни угнетали ее мысли о том, что глупая и пустоголовая Чэннери будет тратить больше времени, флиртуя с привлекательными стражниками, чем обсуждая экономические трудности страны.

Но Леване было всего пятнадцать лет – ей так часто напоминали об этом. Что она вообще знает о том, как управлять королевством?

Ничего, ответили бы и Чэннери, и любой маг, который готовился присягнуть королеве. По-видимому, их предвзятость позволяла игнорировать законы, ведь Лунным королевством мог править даже тринадцатилетний – по рекомендации двора или без нее.

Левана стояла на балконе третьего уровня и осматривала большой зал, где прошли похороны, где ее сестра плакала до тех пор, пока не упала в обморок или притворилась, что упала, и была уведена стражником, оказавшимся рядом. Им оказался Эврет Хейл. Левана осталась одна и была вынуждена продирать себя сквозь неподготовленную речь, полную лжи и фальшивых слез.

Теперь серость исчезла, на смену ей пришли официальные цвета Луны – белый, красный и черный. На стене за помостом висел огромный гобелен с лунными регалиями, вышитыми блестящими нитями. Изображения на гобелене относились к тому времени, когда Луна еще была республикой. На переднем плане были изображены Луна и ее столица, Артемизия, а вдалеке – Земля, бывший союзник. Прекрасная работа – но Левана не могла не думать о том, что она была бы еще лучше, если бы ее выполнила Солстис Хейл.

Пока служанки сновали по коридорам, заканчивая подготовку к церемонии, а ее сестра надевала парадные одежды, Левана наслаждалась минутами безмятежности, одна в пустом зале.

Она выбрала простое платье сапфирового оттенка – в тон перчаткам, которые доставили утром. Они лежали в белой коробке, завернутые в хрустящую шелковую бумагу. Солстис вложила в коробку короткую записку, которую Левана выкинула, не читая.

В дневном свете, пробивавшемся сквозь окна, перчатки выглядели даже прекраснее, а вышивка оказалась более изящной и сложной, чем она представляла. Нити незаметно начинали букву «Л» на ладонях и поднимались дальше вдоль локтей, словно живые ветки плюща, чтобы затем идеально слиться с цепочками, ведущими к колье.

Левана почти ощущала себя королевой, стоя на балконе, и не могла отделаться от мысли, что это день *ее* коронации. Она еще не выбрала подходящие чары, поэтому на время превратилась в сестру – двадцатидвухлетнюю, зрелую и элегантную, с глазами, которые всегда улыбались.

Но нет. Она не хотела быть Чэннери. Не хотела обладать ее красотой, неотделимой от жестокости и самолюбия.

Не успела Левана подумать об этом, как в ее мыслях возникла другая женщина.

Полагаю, вы не знакомы с моей супругой...

Принять облик Солстис Хейл казалось чем-то запретным, достойным осуждения, но при этом удивительно правильным. Левана представила ее безупречное лицо и темные локоны, струящиеся за плечами, миндалевидные глаза и красные губы – будто только что после поцелуя... Хотя, возможно, последнее Левана выдумала из зависти. Она подумала о густых манящих ресницах Солстис и о том, что женщина сияла от счастья даже в день траура. Она подумала о ее животе, большом и круглом, и скором обещании родить ребенка.

Ребенка Эврета.

Левана приложила руку к своему животу, добавив беременность в свои чары. Каково это – чувствовать, как внутри тебя растет живое существо? Ребенок, зачатый по любви, а не ради политической выгоды.

– Левана, ты гото...

Левана резко обернулась, когда Чэннери поднималась по лестнице. Сестра увидела ее и остановилась.

– О, вы не Левана...

Чэннери поколебалась, прищурила глаза. Левана видела это выражение лица тысячу раз. Как бы она ни была уверена в своих чарах, Чэннери всегда распознавала их. Она никогда не объясняла, что выдает Левану – манера держаться, или особое выражение лица, или что-то еще, например дрожь азарта. Но Чэннери и правда обладала особым талантом.

Почувствовав, что сестра еще не решила, что делать с беременной женщиной, разгуливавшей по верхнему балкону большого зала, Левана присела в неуклюжем реверансе.

– Прошу прощения, Ваше Величество, – сказала она тихо. – Я не должна находиться здесь. Я лишь ждала своего мужа со службы и решила насладиться праздничным убранством.

Решив, что она сказала больше, чем настоящая швея, Левана снова поклонилась.

– Могу я оставить Ваше Величество?

– Да, – ответила Чэннери, все еще колеблясь. – И больше мне не попадайтесь. Это не детская площадка для тех, кому скучно. Если захочется заняться чем-то полезным, пока вы, – она указала на живот Леваны, – не родили, уверена, моя горничная найдет для вас занятие. При мне никто не будет бездельничать, даже женщина в вашем положении.

– Конечно, Ваше Величество.

Опустив голову, Левана обошла сестру и направилась к лестнице.

– И еще кое-что.

Левана замерла на третьей ступеньке от места, где стояла Чэннери, не осмеливаясь посмотреть ей в глаза.

– Вы супруга сэра Хейла, не так ли?

– Да, Ваше Величество.

Левана услышала мягкий шаг, затем еще один. Чэннери остановилась на ступеньке выше. Любопытная Левана подняла взгляд и тут же пожалела, увидев усмешку Чэннери.

– Тогда скажите ему, что я получила большое удовольствие от времени, которое мы провели вместе после похорон, – проворковала Чэннери. Ее мелодичный голос напоминал журчание ручья вокруг старых камней. – Он очень меня *утешил*, и, надеюсь, нам еще не раз удастся насладиться обществом друг друга. – Она коснулась языком уголка рта, когда посмотрела на фальшивый живот Леваны. – Вам очень *повезло*, миссис Хейл.

Левана потеряла дар речи. Ужас и гнев быстро заполнили мысли, кровь прилила к лицу.

– Ты лжешь!

Нежный взгляд Чэннери тут же стал высокомерным.

– Это ты! – воскликнула она с радостным смехом. – Почему, во имя Луны, ты изображаешь жену стражника? Да еще и беременную!

Сжав кулаки, Левана отвернулась и пошла по ступеням.

– Просто упражняюсь! – крикнула она через плечо.

– И в чем именно? В том, как наводить чары? – спросила Чэннери, следуя за ней. – Или жить в вечном одиночестве? Ты должна убедиться, что не привлечешь внимание двора, разгуливая в образе бедной беременной женщины. Или... ох! – притворно изумившись, Чэннери прижала руку ко рту. – Или ты надеешься, что сэр Хейл увидит тебя такой? Ты хотела, чтобы он принял тебя за свою возлюбленную? Подхватил тебя на руки, зацеловал или, возможно, даже... повторил то, из-за чего ты так выглядишь?

подавив смущение, Левана удерживала облик Солстис Хейл – отчасти из принципа. Чэннери думала, что, если будет достаточно долго издеваться над Леваной, та потеряет контроль над собой. Леване не хотелось подтверждать ее правоту.

– Перестань, – возмутилась она, спустившись с лестницы. Левана обогнула резную колонну и продолжила спускаться на первый этаж. Ее рука лежала на животе, словно она действительно была беременна. – Ты просто завидуешь, потому что никогда не была оригинальной в своих...

И вдруг она остановилась.

На нижней площадке стояли два стражника. И одним из них был Эврет Хейл.

Дрожь охватила Левану, поднялась от живота к груди и снова опустилась до пальцев рук в перчатках.

Несмотря на свою выдержку, Эврету не удалось остаться безучастным. Он смотрел на Левану – Солстис – во все глаза, отчаянно пытаясь сохранить невозмутимость.

– Солстис? – тихо произнес он, нахмурившись. Он окинул взглядом прекрасное синее платье, плотно обтягивающее живот, изящно расшитые перчатки, которые он наверняка видел в мастерской жены накануне вечером. – Тебе нужно отдыхать. Что ты здесь делаешь?

Левана сглотнула. Все, чего ей хотелось в тот момент, – быть возлюбленной Эврета.

– Ой, – воскликнула Чэннери. – Пожалуй, стоило предупредить тебя, что он здесь. Совсем вылетело из головы. – Она подошла к Леване и положила ей руку на плечо. – Не волнуйся, глупец, – продолжила она, обратившись к Эврету. – Просто моя сестренка решила притвориться твоей женой. – Чэннери понизила голос и заговорщически прошептала: – По секрету – мне кажется, она немного влюблена в тебя. Разве это не очаровательно?

Левана почувствовала подступающие рыдания и поняла, что не сдержит их, если останется здесь хотя бы на секунду дольше. Она попыталась понять, что было хуже всего в тот момент – что Эврет увидел ее в облике своей жены или то, что он услышал от Чэннери.

Это было унижительно. Левана решила, что лучше погибнуть от шестнадцати ударов ножом в грудь, чем пережить этот мучительный момент. Оттолкнув Чэннери, она закрыла руками лицо – свое прекрасное, безупречное, любимое лицо – и бросилась прочь. Она бежала так быстро, как могла, не обращая внимания на стражу, которая с трудом поспевала за ней. Игнорируя служанок, которые отпрыгивали к стенам, чтобы не попасть ей под ноги.

Левана начала стягивать перчатки в ту же секунду, как оказалась в своих покоях. Одна из цепочек порвалась. Край другой перчатки затрещал. Она расстегнула золотое кольцо и едва не задушила себя в попытке сорвать его.

Платье было следующим, и Леване было все равно, порвет она его или нет. Ей хотелось уничтожить его. Вскоре ком из платья и перчаток был заброшен в угол гардероба. Левана знала, что никогда их больше не наденет.

Какая же она глупая! Глупая, глупая девчонка!

Глупая – потому что осмелилась думать, будто ею можно восхищаться. Потому что осмелилась думать, будто она может быть красивой, обожаемой, той, на кого обращают внимание. Потому что осмелилась думать, будто она может быть кем-то.

* * *

Левана посетила церемонию коронации, одевшись с головы до ног в белое, в облике принцессы с волосами цвета воска и бледной кожей – почти невидимки. Поблекшие чары скрывали следы слез.

Она сидела в первом ряду и восхваляла свою сестру, когда остальные собравшиеся здесь жители Луны восхваляли ее, опускалась на колени, когда остальные опускались, и склоняла голову вслед за остальными. Левана не смотрела на Чэннери, даже когда на голову сестры возложили корону, когда она взяла скипетр, когда за ее плечами появилась большая белая мантия. Левана не смотрела, как Чэннери выпила кровь подданных из золотого кубка, как порезала свой палец, чтобы ее кровь стекла в изящную мраморную чашу. Не смотрела, как сестра произносит клятвы, которым не собиралась следовать.

Левана не смотрела на Эврета, хотя он был на службе и всю церемонию находился совсем рядом.

Левана превратилась в статую. Девочку из реголита и пыли.

Она ненавидела свою сестру, ставшую теперь королевой. Чэннери не заслужила трона. Она упустит возможность стать хорошей правительницей. Возможность укрепить экономический потенциал Луны. Продолжить исследования и развитие технологий, начатое их предками. Упустит возможность сделать Артемизию прекраснейшим городом, с которым связаны мечты любого обитателя галактики.

Ее сестра не заслужила этот скипетр. Эту мантию. Эту корону.

Она ничего не заслужила.

Тем не менее все это у нее было. У нее, Солстис Хейл и всех семей королевского двора будет все, чего они пожелают.

Лишь Левана – слишком юная и безобразная, чтобы что-то значить, – продолжит жить в тени своей сестры, пока не увянет навсегда, и все забудут, что вообще когда-то жила.

* * *

Через две недели ей исполнилось шестнадцать лет. Страна праздновала, но после целой недели торжеств, посвященных коронации, день рождения Леваны стал всего лишь еще одним днем в череде придворных развлечений. Был приглашен фокусник, он забавлял аристократов магическими трюками, и завсегдатаи балов с радостью увлеклись его иллюзиями.

Левана посетила свой праздник в облике бледной, почти невидимой девочки. Она сидела во главе стола рядом со своей прекрасной сестрой и делала вид, что не замечает, как иллюзионист превратил скатерть во льва, а носовой платок некой леди – в кролика. Толпа ахала и делала шуточные ставки, пока лев гонялся за кроликом под столами, среди ног. Затем кролик вспрыгнул на колени королеве, которая со смехом погладила его длинные висящие уши, и исчез. Платок, который иллюзионист держал в руке, снова стал всего лишь платком. Лев поклонился королеве, прежде чем исчезнуть в свою очередь. И на столе вновь появилась скатерть.

Гости были в восторге. Всем было плевать, что иллюзии посвящены королеве, а не девочке, чей день рождения праздновали.

После долгих поклонов иллюзионист взял длинную свечу с одного из столов и задул ее. Толпа притихла. Левана почувствовала, что она единственная не подалась вперед в порыве любопытства.

Черный дым клубился по воле волшебника и наконец превратился в пару любовников. Два обнаженных тела извивались в объятиях друг друга.

Развратное представление вызвало неистовый смех гостей и игривые улыбки королевы. Было легко догадаться, кто в ту ночь согреет ее постель.

Левана почувствовала, как жар приливает к лицу, хотя чары скрывали ее смущение. В этом развлечении не было ничего шокирующего, но пока иллюзия действовала, она ощущала присутствие Эврета в зале, ее тянуло к нему.

Он видел ту же фривольную сцену, слышал тот же грязный смех, возможно, думал о своей жене, и это заставило Левану почувствовать себя такой же жалкой и ничтожной, как крошки от ее праздничного торта.

Она не разговаривала с Эвретом после того, как он увидел ее в облике Солстис, и в этом не было ничего необычного – на похоронах ее родителей они сказали друг другу больше, чем за все время, которое она его знала. Но Левана не могла отделаться от мысли, что Эврет ее избегает. Возможно, так же упорно, как она избегала его.

Левана думала, что Эврет до сих пор смущен как ее чарами, так и словами Чэннери. Но в то же время она не могла отделаться от мысли, что, возможно, он был польщен. Возможно, теперь он замечает, что, когда она рядом, его сердце бьется быстрее. Возможно, он жалеет о своем браке или понимает, что это всего лишь условность, как считали многие при дворе... Что он любит Левану... Всегда любил, но не знает, что делать.

Эта слишком сложная фантазия приводила Левану в еще более расстроенные чувства.

Фигуры из дыма исчезли под одобрительные возгласы зрителей. Иллюзионист еще не успел поклониться, как вдруг все свечи на главном столе вспыхнули высоким пламенем.

Левана вскрикнула и отпрянув, упав на пол вместе со стулом. Яркое пламя все еще пылало и билось на столе, но спустя мучительное мгновение Левана поняла, что от него не исходит жара. Не было запаха горячей плоти. Никто больше не закричал. Никто не отпрянул. Гости смеялись.

Левана, дрожа, протянула руку одному из королевских стражников – лишь на их лицах не было веселья. Ее стул подняли, и она смущенно села на место.

Пламя продолжало гореть, уже стало высотой с человека – и Левана с утихающим ужасом поняла, что это еще одна иллюзия. Над бокалами с вином и тарелками парили огненные танцоры, кружась и перепрыгивая с одной свечи на другую.

Чэннери смеялась громче всех.

– В чем дело, сестренка? – спросила она.

Иди ко мне, сестренка.

– Нельзя пугаться каждой глупой шутки.

Я хочу кое-что показать тебе.

Левана не ответила. Ее сердце по-прежнему бешено стучало, она не сводила недоверчивых глаз с танцоров. Их существование, пусть даже это был всего лишь трюк, созданный манипуляцией ее собственным биоэлектрическим полем, не позволяло расслабиться. Левана не могла отвести взгляд. И это было хорошо. Ей не хотелось видеть насмешливые лица гостей. Их смеха было более чем достаточно.

В глубине души она радовалась, что великолепно удерживала чары, благодаря которым казалась неприметной девочкой, и не потеряла контроль.

– Принцесса боится огня? – спросил иллюзионист. Он не прервал иллюзию, но танцоры перестали прыгать и начали медленно кружиться вокруг свечей. – Примите мои извинения, Ваше Высочество. Я не знал.

– О ней не беспокойтесь, – возразила Чэннери, протянув руку одному из огненных танцоров. – Ее детские страхи не должны портить нам веселье.

– Будьте осторожнее, Ваше Величество. Огонь под иллюзией вполне реален.

И в подтверждение его слов ближайший танцор выпрыгнул из свечи и обогнул ладонь Чэннери, оставив настоящее пламя позади. Толпа вновь восхищенно ахнула. И все опять забыли о Леване.

О ней не беспокойтесь.

Это ведь всего лишь ее день рождения. Всего лишь ее праздник.

В конце представления танцоры превратились в старомодные ракеты-шутихи, поднялись в воздух и рассыпались фейерверком.

Довольные зрители закончили аплодировать. Подали десерт. Левана уставилась на кусок шоколадного торта с завитушками, узорами и сахарной фигуркой, которая возвышалась над ее тарелкой. Казалось, десерт разрушится, стоит дотронуться до него.

Левана к нему даже не прикоснулась. Она не была голодна. Узел в ее желудке до сих пор не ослаб после той первой вспышки пламени. Она чувствовала, как ладони потеют под чарами. Сложно было не обращать на это внимание, в любой момент ее сосредоточенность могла ослабнуть. Один раз уже попав в неловкую ситуацию, Левана не могла допустить, чтобы гости увидели ее без чар.

– Я собираюсь спать, – объявила она, не обращая ни к кому конкретному. Если кто-то уделяет ей внимание, если кому-то не все равно, он услышит. Но никто не услышал.

Левана бросила взгляд на Чэннери. Та пригласила иллюзиониста за стол и кормила его тортом со своей вилки. Она попыталась представить, как выглядел иллюзионист без чар. Сейчас он выглядел привлекательным, но мог оказаться каким угодно.

Они все могли быть кем угодно.

Почему же Левана не могла? Почему она не может быть тем, кем хотела быть?

Возможно, потому что она никак не могла понять, кем ей хотелось быть.

С громким скрипом отодвинув стул, она встала. Никто не обратил на нее внимания.

Лишь когда Левана вышла в главный коридор, кто-то остановил ее.

– Ваше Высочество...

Левана обернулась: перед ней стоял стражник. Точнее, три стражника, но двое из них следовали за ней на почтительном расстоянии, чтобы убедиться, что ей ничего не угрожает, пока она направляется в свои покои.

Третий стражник был ей знаком. Левана знала, что он много лет служил ее родителям.

– В чем дело?

Мужчина поклонился.

– Простите, Ваше Высочество. Мой друг, сэр Эврет Хейл, попросил передать вам это. С наилучшими пожеланиями в день рождения.

Он протянул ей коробочку в простой коричневой бумаге.

Сердце Леваны забилося, и она вдруг поняла, что не может сдвинуться с места.

– Эврет Хейл?

Стражник кивнул.

Это ловушка, ловушка, ловушка... Ее разум продолжал повторять это предупреждение. Очередная выходка ее сестры. Жестокая шутка. Но сердце Леваны затрепетало, пульс ускорился, кровь словно закипела в венах.

Левана осмелилась бросить взгляд в зал. Эврет стоял в дальнем его конце и с мягкой улыбкой смотрел на нее. Заметив, что она смотрит на него, он поднес кулак к груди – уважительное приветствие... которое могло ничего не значить. Или могло значить *все*.

Ей нужно было знать наверняка.

– Спасибо, – ответила Левана и схватила коробочку.

Мужчина поклонился и вернулся на свой пост.

Леване пришлось собрать всю силу воли, чтобы не броситься бегом в свои покои. Служанка уже ждала ее, чтобы помочь раздеться и принять ванну перед сном, но Левана отослала

ее, не позволив даже расстегнуть себе платье. Усевшись перед туалетным столиком, в котором не было зеркала, она заставила себя остановиться и сделать глубокий вдох. Очень аккуратно разорвала бумагу. Ее пальцы дрожали, пока она разгибала уголки и снимала ленты.

Внутри коробки темнели обрывки бумаги, среди которых лежала маленькая подвеска в виде планеты Земля. Возможно, серебряной, хотя она была потускневшей и погнутой. Она казалась очень старой.

Еще там оказалась открытка, подписанная ужасным почерком.
*Ваше королевское Высочество,
я надеюсь, что не перейду границы, сделав вам подарок в честь
дня рождения. Я увидел этот кулон и подумал, что, возможно, он вам
понравится. Будьте счастливы в свой семнадцатый год.
Ваш друг и самый преданный слуга,
Эврет Хейл*

Чуть ниже была приписка, словно добавленная в последний момент.

Моя супруга также шлет вам самые теплые пожелания.

Не осознавая, что делает, Левана оторвала нижнюю часть открытки и разодрала на мелкие кусочки, уничтожив упоминание о жене Эврета. Затем достала кулон из коробки и прижала его к груди. Она улыбалась, перечитывая слова Эврета. Вкладывая в них смысл. Разбирая по буквам. Снова, снова и снова.

* * *

– Я рад сообщить, что за последние месяцы наша команда по биоинженерным исследованиям и разработкам добилась огромного прогресса, – заявил главный маг Джошуа Хэддон. Он стоял перед тронем королевы и аристократами, спрятав руки в рукава мантии. – Доктор Дарнел считает, что последние разработки в области манипулирования биоэлектрическим пульсом приведут к успешному изменению врожденных инстинктов. С вашего позволения, Ваше Величество, в ближайшие двенадцать месяцев мы собираемся приступить к тестированию на гражданах Луны.

Чэннери закинула жареный цветок тыквы в рот и махнула Хэддону рукой. Проглотив лакомство, облизала масляные пальцы.

– Да, хорошо. Пусть делают то, что считают нужным.

– Будет исполнено, моя королева.

Заглянув в отчет, маг Хэддон перешел к следующему вопросу. Что-то о методе повышения продуктивности в текстильной промышленности.

Леване хотелось больше узнать о солдатах. Уже много лет в Артемизии шли разговоры о постоянном обучении генномодифицированной армии. Эту программу их отец запустил примерно десять лет назад, и многие семьи считали его идею нелепой. Создать армию, которая опирается не на лунный дар, а на животные инстинкты? Чушь. Абсурд. Чудовищная глупость.

Но отцу это нравилось. *Чудовищные* результаты – именно то, чего он хотел. Исследование начали по приказу короля, и, хотя он не дожидаясь результатов, Леване его идея нравилась.

Целая армия полулюдей, получудовищ. Солдаты, обладающие интеллектом людей и чувственным восприятием хищников. В бою они будут непредсказуемы, используя базовые инстинкты охоты и выживания, запугивая противника, нападая и уничтожая его.

От одной мысли об этом у Леваны бежал холодок по спине, но вовсе не от страха. Возможность контролировать животную мощь этих солдат была такой соблазнительной. Имея в

своем распоряжении такой ресурс, Левана положит конец издевкам и неумолкающим пересудам о жалкой уродливой принцессе, которые преследовали ее в коридорах дворца.

– Хорошо, хорошо, – Чэннери, зевнув, перебила мага на полуслове. – Поступайте, как считаете нужным. Мы закончили?

Джошуа Хэддона равнодушие королевы к государственной политике и благосостоянию страны не обескураживало, а вот Левана с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза. Разумеется, она и сама иногда отвлекалась на посторонние мысли, но в то же время ей действительно хотелось знать, что происходит во внешних секторах. Как придворные собираются улучшить положение дел. Возможно, представители двора отправят Чэннери отдохнуть после обеда и разрешат Леване заняться остальными вопросами?

Но все, конечно, высмеяли бы эту идею.

– Последний вопрос, моя королева, и мы завершим заседание.

Чэннери вздохнула.

– Как вам наверняка известно, моя королева, предыдущие правители – да упокоятся их души в божественной галактике – работали над созданием биохимического оружия. Есть все основания полагать, что оно поможет успешно провести переговоры с Землей. Особенно учитывая наше затянувшееся противостояние и вероятность войны.

– Ох, всевышние звезды! – простионала Чэннери, запрокинув голову. – Обязательно говорить такими словами? Хватит, Джошуа. К чему ты клонишь?

В зале послышались смешки.

Маг Хэддон слегка выпрямился.

– Одна из наших лабораторий создала заразную болезнь, которая, как нам кажется, будет смертельна для землян. Отношения с Землей ухудшаются и могут привести к войне, если в ближайшие десять лет мы не вступим в альянс и не восстановим открытые торговые соглашения. Король Маррок считал, что болезнь позволит ослабить земную оппозицию – как численность населения, так и объем ресурсов.

– И я уверена, что мой отец был абсолютно прав. Продолжайте ваше... исследование. Заседание закрыто.

– Позвольте отнять еще минуту вашего драгоценного времени, моя королева.

Фыркнув, Чэннери опустила на трон.

– Что еще?

– Перед нами по-прежнему стоит проблема антидота.

Маг замолчал, и Чэннери пожала плечами.

– Какой бы заманчивой ни была идея запустить эту болезнь на Земле, не думая о последствиях, – продолжил Хэддон, – некоторые стратеги, в том числе и я, считают, что лучше заставить землян поверить, будто новая болезнь – это воля судьбы, даже наказание. Если мы предоставим им антидот, чтобы избавить их от болезни, это подготовит почву для переговоров о создании альянса и позволит защитить наши интересы.

– Ты хочешь, чтобы они заболели, – устало произнесла Чэннери, – а затем выздоровели. Глупейшая военная тактика, о которой я слышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.